

Алексей Марьясов

Тело

рассказы

18+

Алексей Марьясов

Тело

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Марьясов А.

Тело / А. Марьясов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Три рассказа о перипетиях семейной жизни, которая не обещает регулярный секс, но зато гарантирует его регулярное отсутствие.

Содержание

Тело	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алексей Марьясов

Тело

Тело

Я первым нашел этот труп. Собственно, Ляля его в начале вообще не заметила. Да и не мудрено, когда человек мертв – он, в некотором смысле, мало отличается от прелого мешка с мусором. Лежит себе неподвижно и ничем себя не выдаст, ни вздрогнет, ни вздохнет. Я уже почти прошел мимо, когда, наконец, понял, что грязные ноги, тяжело лежащая в молодой траве голова, вывернутые руки – все это вместе мертвое тело, прах к праху, грязь к грязи.

Вообще, мертвые почему-то кажутся тяжелее живых. Они как-то крепче обычного прикипают к земле. Они и есть земля, если разобраться. Словом, лежал бы в траве живой человек, я бы заметил его сразу, а тут, едва не прошел мимо.

Я, конечно, вздрогнул. И в груди у меня похолодело, и в ногах слабость появилась, все как полагается. Ни до, ни после я никогда не находил мертвых, так что всю значимость момента я оценил. Но Ляле в начале ничего не сказал.

Я вообще десять раз подумаю, прежде чем что-то сказать, и не факт, что, в конце концов, открою рот. А в последнее время со мной и такое случается – хочу кому-нибудь позвонить, а потом передумываю. Честно говоря, так происходит все чаще, когда я берусь за телефон. И когда я пытаюсь что-нибудь написать.

Это здорово мне мешает, ведь я по профессии писатель. То есть, не то чтобы настоящий писатель – а, скорее сочинитель. Сочиняю людям красивые биографии, заново пишу прошлое, дарю красивую мечту о будущем. Живым, настоящим людям. И, в первую очередь, очень состоятельным и очень амбициозным. За деньги, разумеется. Что они после делают со своими новыми биографиями – их дело. Но чаще всего идут в большую политику, большую как Россия на карте мира.

Словом, Ляле я сразу ничего не сказал. Лишь оглянулся на это место несколько раз, пока мы шли по узкой кладбищенской тропинке. В конце концов, это было наше свидание. Не первое, конечно, но все-таки настоящее свидание.

И я уже решил, что окончательно уйду от жены. Мы уже несколько раз пытались расстаться, но не было достойного повода. А теперь поводов появилось сразу два. У жены – свой, а у меня – свой. И теперь наш развод казался мне столь же неопровержимым как смерть женщины в кладбищенской траве.

Я еще несколько раз оглянулся на тело и взял Лялю за руку. У нее очень маленькая аристократичная рука. Узкие пальцы, длинные ногти, влажные ладони. Мне нравится держать ее за руку. Мне нравится вот так молча идти с ней и дышать апрельским воздухом. Вот только если бы не мертвец за нашими спинами.

Мы сделали еще шагов сорок и сели на теплую скамейку у какой-то безымянной могилы с крестом из желтого ракушечника. Ляля села очень близко, и я обнял ее. В нескольких сантиметрах от моего лица пролетела молодая пчела. Весна в наших краях часто бывает ранней. Случается, что уже в конце марта цветут абрикосы и яблони, так было и на этот раз. Когда такое происходит, кажется, что теперь и твоя жизнь будет все время идти в гору и впереди только пробуждение, счастье и месяц май. В такие дни даже я верю в свой собственный прогресс. Хотя бы в его возможность.

– Будешь курить? – спросила Ляля и закурила сама. Я взял у нее сигарету, подержал между пальцами, убедился, что руки не дрожат, и выпустил дым в сторону.

Мы еще ни разу с ней не спали. Только целовались да шептались друг другу по телефону вечерние нежности. У меня не было другой женщины кроме жены. В каком-то смысле, я женился на первой встречной.

– Хорошее место, – сказала Ляля, – странное, но хорошее.

– Это почти как заброшенный парк, – откликнулся я. На этом кладбище не хоронили, наверное, уже лет сто или больше. Статские советники, купцы, герои гражданской войны, дети, погибшие от ветрянки, матери, скончавшиеся в родах.

– Здесь приятно думать о смерти, – Ляля задумалась на секунду, – если, конечно, о ней вообще приятно думать.

– Старость – наше будущее, – сказал я, – это единственное, что наверняка можно сказать о будущем.

Хотя о своем будущем я мог бы сказать и еще кое-что. На этот раз жена все-таки уйдет от меня. Или я от нее. Она – к своему дизайнеру-буддисту, индийскому паломнику, вегетарианцу, поборовшему никотин, алкоголь и прочие соблазны легкого забвения. Я вот не могу побороть соблазны, давно уже и не пытаюсь. И поэтому я уйду к этой девочке, которая курит и не прочь выпить, пишет странные песни и увлекается пирсингом.

Я снова обнял Лялю. Как-то неловко, угловато, сказывается, видимо, отсутствие опыта. Вот что значит вторая женщина в жизни. Я почувствовал слабую мягкость пониже талии. Мы все здорово повзрослели в последнее время, обросли жирком. Я прижался к этой мягкости и опять некстати подумал о мертвой женщине в кустах. Оголенные ноги и спина, грязная одежда, волосы в траве, серая шея. Ничего, что мы так уселись рядом?

Я ткнулся носом в Лялину шею, постаравшись вспомнить все лучшее, что делал, когда охмурял жену. Тогда ведь это сработало, почему бы и нет?

– Ты странный, – сказала Ляля, – ты так мало говоришь, но мне это нравится. У меня сейчас... творческий подъем. Я вчера написала еще одну песню. Про то, что в Австралии сейчас осень, пока здесь весна. Ну, и про любовь, конечно же.

– А причем здесь любовь?

Вместо ответа Ляля банально поцеловала меня. Я даже немного разочаровался. Язык тела – жалкое оправдание. Я предпочитаю слова. К тому же ее юное дыхание не вполне хорошо пахло. Но если мы будем курить вдвоем, кого это тогда волнует? Может быть, у нас все получится, если мы будем курить вдвоем? Мне бы хотелось, чтобы у нас получилось.

– Мне хорошо с тобой, – пробормотал я. – С тобой я снова хочу быть нежным. Я уже давно этого не хотел.

Ну, вот, надавил чуть-чуть на жалость. Надо же хоть как-то сказать о своих чувствах. Это в детстве кажется, что девочке ты можешь нравиться просто так, что можно напускать на себя загадочный вид, ходить вокруг да около, а она непременно в тебя влюбится, и будет нежно и преданно сохнуть. Вот так и бывало, влюбишься в кого-то сам и совершенно искренне недоумеваешь, почему она и не смотрит в твою сторону, ведь тебе так горестно и сладко.

Но мне почему-то не было ни горестно, ни сладко в тот момент, вот в чем дело. По правде говоря, нам с Лялей уже давно следовало бы переспать. А я отчего-то тянул время и вот теперь, мне кажется, это будет сделать куда как труднее, чем в марте, когда мы только познакомились.

Мы еще раз поцеловались. Я обежал языком ее десны, нежно слизнул скользкую влагу с губ. Я почувствовал, что она тоже попыталась чем-нибудь удивить меня. Но чем тут удивишь – поцелуй он и есть поцелуй.

– Ты уже сказал ей? – вдруг спрашивает меня Ляля.

– Нет. – Я пожал плечами. – Мы сейчас почти не обсуждаем личную жизнь друг друга. Так меньше боли, и так вся эта история – сплошная нервотрепка.

– А вы спите вместе?

Я ответил не сразу. По правде говоря, да, но сказать ли об этом Ляле? Я и сам не понимал, почему мы все равно спали вместе. Нам это нравилось. Собственно, мы потому и поженились, из-за чувства обоюдного комфорта. Простые радости – вроде совместного просмотра телепередач – держали нас вместе все это время. Что-то посложнее уже давно бы развалилось и потеряло все свое очарование.

– Да, – сказал я, – спим. А что же нам еще делать, если мы живем под одной крышей.

– Ну, не знаю, – пожала плечами Ляля, – я бы, наверное, так не смогла. Если человек стал тебе чужим...

Много ты понимаешь, подумал я. Никто так вдруг не становится чужим, особенно жена, с которой прожил три года. Хотя, конечно, секса у нас стало куда как меньше, и я все чаще мастурбировал, блуждая по датским и голландским порносайтам.

Честно говоря, я мастурбировал как одержимый каждый вечер. Я хорошо научился оттягивать до последнего кульминационный момент и дрочил изошренно, до усталости. Мне годилось все – девочки и развратные пенсионерки, анальный секс и классика, варианты втроем и вчетвером, садомазохизм и лесбийская любовь.

Я снова оглянулся на то место, где лежал труп. Мне даже показалось, что я разглядел голую спину с прилипшими прелыми листьями.

– Это не важно, – сказал я, – по большому счету, это не важно, спим мы или нет. Может быть, ты бы вела себя точно также, очутись в моем положении.

– Да, – согласилась Ляля, – для меня это не важно. Но может стать важно, ты же понимаешь.

Я все понимал. Мне всегда казалось, что я прекрасно понимал женщин. Но есть ли от этого хоть какая-то польза? Стал ли кто-нибудь от этого счастливее?

Однажды я разочаровался в женщинах и теперь, вот беда, не могу очароваться ими снова. А, может, я просто слишком много дрочил, кто знает, что на самом деле имело значение, а что нет.

Я взял Лялину руку в свою. У меня смуглая кожа, а она, наоборот, белая как молоко. У меня широкая кисть и короткие пальцы, а у нее узенькая лапка в кольцах. Но кроме руки я ее нигде больше не трогал. Даже грудь не осмелился пощупать, нет опыта, что и говорить. Семейная ли жизнь сделала меня покладистым и робким или я таким был всегда, не знаю. Но годы в браке точно не идут на пользу, если вы собираетесь соблазнить девушку с проколотой нижней губой, и которая умеет писать песни об Австралии и о любви.

– Будешь еще курить? – спросила Ляля, забирая руку.

– Да, конечно. – Я взял у нее сигарету и глубоко вдохнул головокружительный дым.

– Ты очень мнительный человек, – сказала она, – и очень добрый. Тебе ее жаль, мужчины часто жалеют женщин. И не могут уйти.

Может, и так. Моя жена напротив считала меня жестоким. И то, что я пошел сегодня на это кладбище, тоже в каком-то смысле, жестоко. Она ждет меня дома, нутром чую, ждет несмотря ни на что, может, просто по привычке. Я бы тоже ждал, наверное. Всякий раз, когда она встречается со своим дизайнером, я молча провожаю ее на эти свидания и остаюсь дома. Случалось, что после этих встреч она набрасывалась на меня, разгоряченная и страстная. И я уступал, что тут поделаешь. По правде говоря, я даже здорово возбуждался при этом.

– А нее уже кто-то есть? – вдруг спросила Ляля, точно угадав мои мысли.

– У кого? – зачем-то переспросил я и потер переносицу, разворошив заодно брови, тонко пискнув третьим веком.

– У Бритни Спирс, конечно, – засмеялась Ляля. У нее отличные зубы, несмотря на сигареты. Впрочем, когда тебе еще нет двадцати, можно не обращать внимания на такую мелочь, как сигареты. По большому счету, когда тебе нет двадцати, можно вообще ни на что не обращать внимания. Особенно, на таких как я.

– Есть, – я постарался затянуться значительно и горестно. – Хороший, в общем-то, парень. Любит рисовать опоры линий электропередачи в степи. У него целая серия таких работ, просто помешан на проводах и этих железных конструкциях.

На самом деле никаких работ я не видел, просто жена рассказывала мне о них, а я подумал, что, наверное, в таких пейзажах и впрямь что-то есть. Хотя это еще не повод, чтобы уходить от меня, талантливого и успешного.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – сказала Ляля. Она бросила дымящуюся сигарету в траву, легкомысленные фенечки зашуршали на ее запястье. – Почему вы до сих пор вместе? Вы же мучаете друг друга.

– Ну, – неопределенно ответил я, – в браке так всегда. Брак – это почти всегда драма двух людей.

– Ты просто очень мнительный, – снова повторила она. – Хочешь, я помогу тебе выбрать?

Я догадался, что она собирается сделать еще прежде, чем Ляля обвила белой рукой мою шею. Она поцеловала меня, на этот раз почти страстно. Я даже попытался осторожно коснуться ее маленькой груди.

Та женщина в кустах, – подумал я, – она лежит голая до пояса. Почему она умерла, что с ней сделали?

Ляля, конечно, очень самоуверенна. Она может себе это позволить, она почти девчонка, а мне скоро тридцать, и я такой неопытный в этих делах. Если бы она видела эти серые и холодные ноги, пыла бы у нее было поменьше. Может быть, столько же, сколько и у меня.

Наконец, мы отстранились. Не очень-то удобно целоваться, когда сидишь бочком друг к другу. Да и обниматься для меня всегда было непростым делом. Мне всегда претила фамильярность. Обычно я инстинктивно избегаю навязываемых физических контактов.

Ляля взглянула на меня, загадочно опустив ресницы. Она попыталась произвести на меня впечатление. У нее, в конце концов, еще много времени впереди для таких попыток. Я представил себе ее голой, у нее, наверное, слегка полноватые бедра, неявная талия, узкая спина. Но зато у Ляли есть в лице какая-то тайна, вроде как бы это не совсем ее лицо. Как будто она заколдованная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.